

Глава 6. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. КАК АЛЬТЕРНАТИВА НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ РЕФОРМАЦИИ

С. В. Цирель

В главе разрабатывается гипотеза о Русской революции как альтернативном выходе из положения, когда в стране, в ее массовых и элитных слоях, складывалась обстановка, во многом аналогичная ситуации предреформационной Европы. Но при этом ни состояние православной церкви, ни российская теологическая мысль никак не были готовы к Реформации. Эта ситуация совпала с быстрым распространением грамотности, растущим земельным голодом и длительное время насаждавшимися сверху и усвояемыми народной массой представлениями о справедливости как о делении всего поровну, включая и обычай регулярного передела земли. В итоге социалистические идеи охватили основную часть населения (на выборах в Учредительное собрание партии социалистического толка получили примерно 90 % голосов). Реформа Столыпина, направленная на разрушение «передельной» традиции, имела весьма ограниченный успех, более того, вопреки ожиданиям власти, усиливала «передельные» настроения и способствовала снижению авторитета царской власти и православной церкви. Военные неудачи в Русско-японской, а затем Первой мировой войне превратили медленное разрушение в стремительный обвал идеологических и религиозных основ православной самодержавной России. Произошедшая на этом фоне Февральская революция, нацеленная на модернизацию российского общества и установление либеральных свобод, на деле сломала последние преграды на пути к торжеству «передельных» настроений и отдала власть в руки тех, кто лучше всего сумел использовать энергию реформации и тягу к равенству-справед-

ливости для достижения своих целей. В главе также рассматриваются общие закономерности реформационных явлений в странах господства авраамических религий, кратко анализируется дальнейшая судьба большевистской квазиреформации и проводится сравнительный анализ воздействия Первой и Второй мировых войн на судьбы правящих режимов России.

Ключевые слова: *Русская революция, авраамические религии, двоеверие, уровень грамотности, Возрождение, Реформация, пердельная община, земельный голод, столыпинская реформа, Первая мировая война, Февральская революция, выборы в Учредительное собрание, Октябрьская революция, Великая Отечественная война.*

Введение

Данная глава написана в год столетия Русской революции, одного из главных событий XX в., во многом определившего ход истории в этот период. Но прошедший век не завершил, а лишь временно приглушил споры о смысле и природе Русской революции. Наступающая в мире нестабильность, совпавшая со столетним юбилеем, придает новый импульс этим спорам.

Основная идея работы состоит в том, что Русская революция – это альтернатива Реформации, но не сама Реформация в классической западноевропейской форме, а, скорее, ее аналог – несколько иное, но типологически сходное явление. Причем когда я говорю о Русской революции, то имею в виду в первую очередь именно Октябрьскую революцию, а не Февральскую, открывшую к ней дорогу. В этом контексте в Октябрьскую революцию включаются не только и не столько переворот, совершенный большевиками в Петербурге 24–25 октября, но также сожженные летом 1917 г. помещичьи усадьбы, «триумфальное шествие советской власти» по центральной части России в конце 1917 г., а также оглушительная победа социалистических партий на выборах в Учредительное собрание (в сумме социалистические партии, включая большевиков, эсеров, национальных демократов и др., набрали более 90 % голосов [Всероссийское... 2014]).

Аналогия между Октябрьской революцией и Реформацией уже проводилась рядом исследователей. Однако, как будет показано ниже, эта аналогия понималась либо чересчур буквально: «большевизм – аналог протестантизма», трактуемого в духе Макса Вебера,

либо весьма обобщенно, в отрыве от реалий той единственной Реформации, которую принято писать с прописной буквы.

Поэтому основному тексту о революции в России предшествует несколько абстрактное рассуждение о религиях вообще, более всего – об авраамических религиях и их эпохах реформации и возрождения (во множественном числе).

Абстрактное предисловие о революциях и реформациях

Данный раздел носит концептуальный и несколько умозрительный характер, в этом отрезке текста практически нет ссылок и иных мнений; даже те утверждения, которые основаны на обширной эмпирике, даны практически без указаний свидетельств. Цель данного фрагмента – сформулировать общий взгляд на явления, в контексте которых, по мнению автора, находились европейская Реформация, революция 1917 г. в России и нынешний исламизм, включая как Иранскую революцию 1979 г., так и образование запрещенных в РФ «Аль-Каиды» и ИГИЛ.

Основания этого подхода – в понимании социальной роли, точнее, социальных ролей религий, и отличия авраамических религий от религий Восточной и Юго-Восточной Азии. Как нетрудно понять или прочесть в любом учебнике по религиоведению, авраамические религии (иудаизм, христианство, ислам и близкие к ним многочисленные секты и движения) соединяют в себе очень многие компоненты духовной и социальной жизни человечества, напрямую не связанные между собой. Не составляя полного списка, можно указать на космогонический миф, моральные нормы и поиск безусловных авторитетов, проблемы жизни и смерти, социальную организацию, поддержку людей в трудные минуты и отчасти потребность в различных магических действиях (гаданиях, предсказаниях, приворотах, оберегах и т. п.). В принципе нет никакой обязательности в том, чтобы все они соединялись в едином социальном феномене. В современном мире многие верующие и отчасти верующие люди выбирают из всего длинного списка лишь то, что они готовы отдать на попечение религии или, напротив, получить от нее. А те, кто готовы принять весь список, называются фундаменталистами и зачастую обвиняются остальными верующими и неверующими в неадекватности.

Однако такое широкое объединение всех сторон духовной и многих явлений общественной жизни, свойственное авраамическим религиям и близким к ним религиозным течениям, сектам и движениям, отнюдь не распространяется на весь мир.

Дальше всего от них находится религиозная ситуация в Китае, где уже давно сосуществуют три основные религии-идеологии, а в полный список входят и другие идеологии (например, маоизм), а также поклонение предкам-духам. Глубокое различие с авраамическими религиями не позволяет этнографам дать согласованную оценку религиозной ситуации в КНР: Китай объявляется то атеистической страной, то конфуцианской (при этом конфуцианство часто называют религией), то буддистской. В меньшей степени это относится к другим странам Дальнего Востока, включая даже Корею, до 30 % населения которой называют себя христианами (католиками или протестантами), ходят в христианские храмы, выполняют христианские обряды, но в большинстве своем сохранили как некоторые буддистские представления и обычаи, так и добуддийские традиции-суеверия.

В определенном смысле промежуточное положение между Китаем и западноевразийской ойкуменой занимает Индия, где компоненты духовной жизни разделены между тремя основными богами и их многочисленными инкарнациями, а также колесом сансары и связанными с ним понятиями, стоящими то ли в центре индийских религий, то ли над ними. Вполне возможно, что именно чрезвычайное своеобразие брахманизма (ведизма) позволило индийским религиям сохранить наибольшее сходство с доосевыми верованиями и избежать монотеизма, строгой кодификации и характерных противоречий, присущих авраамическим религиям.

Однако в дальнейшем речь пойдет только об авраамических религиях, и предшествующий текст предназначался лишь для того, чтобы показать, что их структура верования не является единственно возможной, но именно их особенности оказывают определяющее влияние на различные стороны общественной жизни, вплоть до идейных движений, провоцирующих революции.

Говоря об авраамических религиях, мы опустим очень важный этап их существования, а именно – период формирования или усвоения, в ходе которого религии созревают, трансформируются, вызывают самые бурные чувства – от абсолютной веры, воплоща-

ющейся в готовности к мучительной и позорной смерти, до полного неприятия, гонений на их адептов и ненависти к ним.

Свои рассуждения мы начнем с тех времен, когда авраамическая религия сложилась, стала господствующей в полуграмотном или даже преимущественно безграмотном обществе. Естественно, в необразованном обществе тексты священных книг, сложная система заповедей и догматов уходят на второй план, становясь достоянием одних просвещенных клириков. А на первый план выходят различные ритуалы, вплоть до поклонения изображениям и идолам (иконам, статуям, амулетам, реликвиям), вообще говоря, не рекомендуемого или даже строго запрещенного канонам. Обряды вытесняют интеллектуальные и моралистические составляющие, и обрядовое становится нормой религиозной жизни. Кроме того, духовные потребности малообразованных людей, да и не только их, требуют гадательных и магических практик, в том числе магических способов борьбы с различными бедами, спасения от напастей, любовных приворотов и техник ловли удачи, которыми авраамические религии исходно бедны. Поэтому в них вписываются различные чудотворцы, разнородные магические обряды, и наряду с обрядами, инкорпорированными в религию на ее ранних стадиях, сохраняются, живут, трансформируются и развиваются языческие духовные практики. Приверженность авраамической религии превращается в двоеверие, причем, например, в христианстве борьба с явно нехристианскими обычаями зачастую заканчивалась фактическим поражением первоначальной догмы, соединением очевидно нехристианских практик с христианскими. При этом суммарная двоеверная религия становится настолько бессвязной и противоречивой, что собственные противоречия и проблемы исходной религии вроде теодицеи или проблемы свободы воли отходят на второй план и не осознаются большинством прихожан.

Бессвязность и противоречивость духовных практик, разумеется, не имеют жесткой обязательной связи с пышностью богослужений, ростом благосостояния самой церкви и ее священнослужителей, коррупцией и симонией. Но, как правило, растущая свобода от исходных заповедей и догматов облегчает сбор дани с прихожан, тесные контакты с властью имущими, накопление богатств, прежде всего земельных, торговлю отпущениями грехов и вечным блаженством.

Такое двоеверие, вполне уютное для необразованного большинства и выгодное для разнообразных грешников высокого и низкого происхождения, не устраивает людей с большими духовными запросами, более высоким образованием и более рациональным складом ума. Пока таких людей мало, им надо пробиваться в духовенство, идти в монастыри, уезжать в большие города и далекие страны, основывать новые конфессии (секты). Однако в силу развития форм проповеди или общего подъема образования – двух различных явлений, но объединенных неприятием обрядоверия, двоеверия и торговли спасением, – духовная обстановка общества меняется, причем в каждой конкретной ситуации весьма различными способами.

- Чаще всего духовный подъем, вызванный локальными действиями проповедников и просветителей, затухал после их смерти, в лучшем случае чуть замедлив распространение обрядоверия и двоеверия.

- Другой возможный исход состоял в создании новой монастырской общины, секты, духовного кружка и т. п., отделенных от основной массы верующих.

- Противоположный ответ, но также весьма возможный, заключался в том, что столкновение двух (или более) форм веры вообще отдаляло от религии наименее религиозных или наиболее логично мыслящих людей. При этом слабость обрядоверия и двоеверия могла быть такой явной, что отчуждение от религии (конечно, не переходящее в атеизм или агностицизм), безразличие к ней могли захватывать широкие круги людей и подрывать основы регионального или государственного единства.

- Обращение широких слоев населения к основам религии, обличение духовников, погрязших в невежестве, разврате, симонии, забвении высших ценностей и духовных основ собственной религии, доходящее до отстранения наиболее одиозных фигур и некоторого очищения всей религиозной жизни.

Выбор того или иного варианта существенно зависит от двух факторов:

- уровня грамотности населения;
- отношения властей к богатству церкви и ее посягательствам на прерогативы светской власти.

Однако в неподвижной и/или циклической истории все перечисленные варианты всплеск духовных перемен в масштабах долгих десятилетий и даже столетий не приводили к существенным изменениям, а в масштабе долгих веков не останавливали деградации религии и роста готовности к массовому обращению в иную веру.

Это описание было бы всеобъемлющим, если бы время и история действительно не имели генерального направления перемен, того, что принято называть прогрессом, хоть со знаком плюс, хоть со знаком минус.

В какой-то момент эти перемены приводят в действие мощные положительные обратные связи. Рост грамотности населения вызывает все большее недоверие к погрязшим в обрядоверии и симонии деятелям церкви, а попытки самостоятельно дойти до божественных истин, изложенных в священных книгах и сочинениях благочестивых проповедников, стимулируют рост грамотности. Растущее отдаление мирян от церкви – прежде всего наиболее образованных и влиятельных, – находящее поддержку у наиболее чистых, образованных или попросту неуживчивых и честолюбивых деятелей внутри церкви, стимулирует действия властей (реже – противостоящих им контрэлит) в борьбе за церковные земли, церковные богатства, усиливает их борьбу против вмешательства церкви в вопросы светской власти. А конфликты церковных и светских властей, элит и контрэлит расшатывают правящие режимы, вызывают брожение среди грамотного и неграмотного народа и стимулируют формирование революционной ситуации.

Хотя Реформация как одно из важнейших и сложнейших духовных течений европейской истории не может быть полностью уложена в описание, приведенное выше, для наших дальнейших рассуждений, посвященных связям Реформации и революций, его логика станет основной, направляющей нитью последующего повествования.

Различные мнения о связи Русской революции и Реформации

Так как вопрос об аналогии реформационных революций Нового времени и Русской революции поднимался уже несколько раз, прежде всего перечислим основные существующие подходы.

Гюнтер Рормозер (Rohrmoser 1989; 1994) находил прямое сходство между долиберальным предбуржуазным духом классической

Реформации и социалистическим мессианским духом Русской революции. В. Л. Цымбурский (2002) проводил сверхширокую аналогию между «городскими революциями» от Древнего Египта до наших дней (переходами от сельского к городскому образу жизни) и Русской революцией, которая в его понимании была радикализацией уже шедших процессов урбанизации России. Наиболее подробно аналогия между Октябрьской революцией и Реформацией проведена в книге В. Д. и З. Р. Жукоцких (2008), которые вслед за Г. Рормозером видели близость антибуржуазных мотивов Реформации (анабаптисты, гуттериты и др.) и Русской революции, но к тому же – в отличие от него – сходство самого характера перехода от обрядового двоеверия к поискам единой истины. Для иллюстрации своих тезисов они ссылаются на П. Н. Милюкова: «...процесс религиозного развития состоял в постепенной спиритуализации религии, в постепенном превращении религии обряда в религию души» (Милюков 1994: 103). Для точного описания понимания сути Революции – Реформации приведу еще один отрывок из книги П. Н. Милюкова, по смыслу достаточно близкий автору настоящей главы, причем описывающий не только Реформацию, но и переход реформационного религиозного подъема в индивидуальную веру, балансирующую на границе с внерелигиозными этическими исканиями и агностицизмом. Жукоцкие особо обращают внимание на выделяемые П. Н. Милюковым две фиксированные ступени церковной Реформации, из которых в конечном счете складывается иррелигиозный вектор всей дальнейшей культурной эволюции: «На первой (ступени) отрицается церковное предание, и религию считают возможным построить по непосредственным указаниям ее Основателя: на Евангелии. Эта ступень протеста против средневекового формализма соответствует евангелическому христианству германского мира. На второй ступени и Евангелие признается излишним посредником между людьми и Богом. Сношение с божеством считается возможным устроить непосредственно: “в Духе” поклоняться Богу и в собственном духе находить Его отражение. Сердце каждого истинного христианина признается, таким образом, обиталищем Св. Духа. На этой ступени вера разрывает всякую связь с преданием и с Писанием, – следовательно, вообще сходит с почвы положительной, откровенной религии и превращается в так называемое духовное христианство» (Там же: 103–104).

Однако, глубоко анализируя аналогии между католической Реформацией и Серебряным веком, символистами, антибуржуазными настроениями предреволюционной и послереволюционной русской интеллигенции, Жукоцкие едва касаются причин, почему настроения, столь похожие на классическую Реформацию, охватили не только русскую интеллигенцию, но и миллионы полуграмотных рабочих и крестьян в городах и деревнях России.

Формирование предреформационной ситуации в России

Отдавая должное глубине анализа духовных течений В. Д. и З. Р. Жукоцких, оказавших влияние на взгляды автора, хотя и не соглашаясь с их образом Ленина как новой инкарнации Лютера или Кальвина, изложу свою точку зрения, существенно более материалистически, на мой взгляд, описывающую предреволюционную Россию.

Начнем с известных фактов. Первые попытки «хождения в народ», то есть революционной агитации крестьянства городскими революционерами (народовольцами) в 1870 г., закончились полным провалом. Не удалось поднять ни одного восстания, а большая часть попыток заканчивалась сдачей смутьянов в полицию самими крестьянами. Но всего через 40 лет, в 1905–1906 гг., во время Первой русской революции агитация уже имела немалый успех. Шло брожение, то там, то здесь полыхали помещичьи усадьбы, на первых выборах в Государственную Думу крестьяне преимущественно избирали представителей левых партий. В 1906 г. выбранные в Первую Государственную Думу депутаты от крестьян вошли в основном во фракцию «трудовиков», занимавшую левые позиции, либо поддержали леволиберальную партию кадетов (конституционных демократов). Летом 1917 г. крестьяне и самовольно вернувшиеся с фронта военнослужащие крестьянского происхождения по всей России стали жечь помещичьи усадьбы, делить землю по едокам и звать на помощь эсеров (партию социалистов-революционеров) для составления текстов, формулирующих их требования.

Что же случилось за этот весьма короткий срок?

Как указывалось в предыдущем разделе, одной из главных движущих сил Реформации является рост грамотности. Согласно книге А. Г. Рашина (1956), именно на пореформенное время при-

ходится резкий рост грамотности населения России. Если ограничиться только русскими губерниями и пренебречь весьма значительными географическими различиями (близость к столицам и высокий процент крестьян, занятых отхожими промыслами, резко повышали уровень грамотности), то можно принять следующие приближенные оценки.

Табл. Уровень грамотности российского населения

Годы	Деревня		Город	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1860–1870	8–12 %	2–5 %	45–50 %	25–30 %
1897	25 %	10 %	55 %	35 %
1908–1913	35–40 %	12–15 %	60 %	40 %

Составлена по данным А. Г. Рашина (1956) и Б. Н. Миронова (Mironov, Eklof 2000; Mironov 2012).

При этом среди наиболее активных людей молодого и среднего возраста (от 15 до 40 лет) грамотность была примерно в 1,5 раза выше, чем в среднем по России, в частности, процент грамотных, принятых на военную службу с 1874 по 1912 г., возрос с 21 % до 68 %. В Петербурге и Москве к началу революции среди молодых людей процент грамотных составлял 85–90 %, то есть можно уже говорить о минимальном владении грамотой как о норме.

Второе принципиальное изменение – это растущая нехватка земли, вызванная резким ростом населения (в два с лишним раза в европейской части России). По оценкам С. А. Нефедова (2010; 2011), из-за нехватки земли и роста экспорта даже при увеличении суммарных урожаев уменьшилось потребление хлеба у большей части крестьянства. Особенно сильно сократилось потребление мяса и молочных продуктов сельским населением, ибо распашка лугов и вырубка лесов резко сократили площади для выпаса скота и даже численность поголовья крупного рогатого скота. Несмотря на сокращение поголовья скота, перевозки мяса существенно выросли (Давыдов 2016), что говорит об увеличении «продовольственного расслоения». То есть рацион наиболее бедных слоев населения становился более однообразным на фоне улучшения качества питания средних и зажиточных слоев. Надо отметить, что в этом отношении Россия мало отличалась от Европы XVIII–XIX вв. (Montanari 1993). Унификация методов ведения сельского хозяйства

и узость рациона, с одной стороны, увеличивали суммарное производство калорий и стимулировали рост народонаселения, однако с другой – усиливали риск голода в годы неурожая базовых культур (самый яркий пример – картофельный голод в Ирландии 1845–1849 гг.). Хотя большое разнообразие природных и климатических условий России, а также возможность прибавки внутреннего потребления за счет сокращения экспорта зерна предохраняли от таких страшных голодовок, однако не мешали возникновению периодических вспышек голода, а также катастрофического голода 1921 г., произошедшего при сокращении посевных площадей и расстройстве народного хозяйства.

Более тонкий расчет, учитывающий, во-первых, изменение возрастного состава населения (рост доли детей и подростков) и, во-вторых, резкое сокращение занятости крестьянства тяжелым физическим трудом (по разным оценкам этот параметр составлял в начале XX в. от 40 до 70 % от нормы середины XIX в.), уменьшал необходимость в потреблении калорий, и фактически снижения «удовлетворения в потреблении калорий» не наблюдалось. Более того, стремительный рост народонаселения, снижение смертности, увеличение продолжительности жизни и возможное увеличение роста призывников (см. дискуссию на эту тему: Гринин и др. 2010; Мironov 2012; Нефедов 2014) говорят о том, что общая обеспеченность продовольствием и медикаментами росла, а не сокращалась. Однако бедность основной части крестьянства (так называемых бедняков и середняков), сопровождающаяся снижением занятости, однообразием питания, непрекращающейся угрозой голода на фоне резкого роста благосостояния более обеспеченной части крестьян и большинства горожан, порождала зависть и ненависть, подталкивала крестьян к идеям всеобщего передела земли и прочей собственности.

Политические деятели и публицисты несоциалистического направления указывали на бесперспективность всеобщего передела и вред от уничтожения наиболее успешных хозяйств (помещиков, богатых крестьян, живших в деревнях или на отдельных хуторах). Крестьянское сословие к тому времени уже выкупило большую часть земли у бывших помещиков. Несложные расчеты показали, что полный переход пахотных помещичьих земель в крестьянские руки давал прибавку от 10 до 30 % по разным губерниям и не мог

принципиально решить проблему. Решение проблемы, как показывает мировой опыт, скорее лежало в урбанизации, переходе к городским занятиям и резкой интенсификации землепользования, ибо в России земли на одного крестьянина приходилось лишь немногим меньше, чем во Франции, столько же, сколько в Германии, и больше, чем в Англии или Австрии (Mironov, Eklof 2000). Однако крестьяне хотели получить не только господскую, но и всю прочую, включая землю хуторян, вышедших из общин, и разделить ее поровну по едокам. Идея уничтожения частной собственности затронула не только сельское, но и городское население, так называемые секвестры, то есть временные национализации самых крупных военных заводов, горячо поддерживались большинством (Поликарпов 2008) и впоследствии послужили прототипом советской национализации.

Таким образом, можно зафиксировать два объективных обстоятельства:

- резкий рост грамотности, особенно среди молодого населения;
- возрастающая нехватка земли, стагнация уровня жизни большей части крестьянства, резко сократившаяся его занятость.

К ним можно также добавить увеличение городского населения, прежде всего за счет временного полугородского-полусельского населения, проводившего одну часть года в городе и занятого там малоквалифицированным и плохо оплачиваемым трудом, а другую часть года – в деревне, где многие вообще не имели регулярных занятий из-за нехватки земли и отсутствия тягловой силы (лошадей).

Именно в этих условиях формировалась альтернатива русской Реформации, о которой шла речь выше.

Переход от предреформационной ситуации к аналогу Реформации

Прежде чем обсуждать представления о Русской революции как об аналоге Реформации и аргументы в пользу этого, бегло коснемся тех неясностей, которые остаются при других оценках причин и движущих сил революции. Разумеется, я не пытаюсь предложить новое единственно верное объяснение историческим событиям, речь идет о том, что игнорирование такого представления оставля-

ет пробелы в самых разных, взаимодополняющих и взаимоисключающих трактовках Русской революции.

Прежде всего следует отметить, что на первом плане в большей части работ как либеральных публицистов того времени, так и современных историков находилось другое противоречие – между царским режимом (с его двором, слабеющим дворянством, различными черносотенными квазинародными организациями) и либеральными настроениями буржуазии и интеллигенции. Видимый раскол образованных классов российского общества усугублялся тем, что едва ли не основная идея последних русских императоров, Александра III и Николая II, состояла в том, чтобы, несмотря на урбанизацию, промышленный рост, изменения сословного состава населения и просто быстрый рост его численности, производить как можно меньше правовых и институциональных изменений, не допустить роста «язвы пролетариата», «заморозить Россию» (Леонтьев 1996: 246). Но вооружение армии требовало все больших затрат, все более развитой промышленности и все большего разрастания этой «язвы», поэтому, несмотря на субъективное желание царской семьи ничего не менять, изменения шли, и достаточно быстро. И де-факто различия между престолом и статусной общественностью заключались не в выборе направления движения, а лишь в представлениях об оптимальной скорости продвижения по одной и той же дороге в одну и ту же сторону. Однако и этого различия хватило для того, чтобы Февральская революция смела и самодержавие, и весь строй монархической России. И не нашлось сколько-нибудь влиятельных политических сил, готовых защищать даже не лично Николая II, но всю трехвековую династию. Утверждается, что даже Синод уже через несколько дней после отречения Николая II повелел заканчивать литургию словами «Временному Правительству многая лета» (Шавельский 1934; Ардов 2006). Однако трогательное единение, охватившее российское общество в марте 1917 г., длилось очень недолго. Вскоре оно превратилось в полный раздрай, втянувший в себя как образованные классы, так и бывшие низшие сословия новой якобы бессословной России, что трудно объяснить, исходя из идеи готовности России к демократической республике или хотя бы по-настоящему конституционной монархии.

Оставим в стороне широко известные перипетии 1917 г., «двоевластие», возвышение Керенского и его падение, «мятеж Корнилова», провокационные речи Ленина и Троцкого, затянувшуюся подготовку Учредительного собрания и многое другое. На наш взгляд, все эти события были в первую очередь фоном, расчищавшим место в путанице быстрых перемен для проявления основных противоречий дореволюционной России.

На другом полюсе русского общества наблюдалось движение не к либеральной демократии или даже либеральной автократии, а совсем в иную сторону. Реформа Столыпина, имевшая целью ликвидацию общинного землевладения и введение частной собственности на землю, наталкивалась на встречное желание устроить всеобщий «черный передел», столь же радикально расходящийся с прошлым России, что и столыпинские преобразования: крестьяне жгли усадьбы и ждали не выделения отрубов, а «черного передела».

Но как же получилось, что конкурирующие между собой элиты шагали в одну сторону, а народ и народническая интеллигентская контрэлита – в другую? Первая и очевидная причина – уже обсуждавшееся аграрное перенаселение. Но на аграрное перенаселение крестьянин может реагировать по-разному: во-первых, переехать в город и стать наемным рабочим, во-вторых, использовать более эффективные методы земледелия и стараться выжать из своего клочка земли (как уже указывалось, немало по европейским и тем более по китайским нормам) как можно больший урожай и, наконец, в-третьих, не обращая внимания на право собственности, делить и перекраивать все сельскохозяйственные земли «по справедливости», то есть поровну.

Почему основным выбором стал именно третий путь? Из-за исконного русского стремления к справедливости, многократно описанного классиками русской литературы? На наш взгляд, корни такого выбора и такого понимания справедливости заключались прежде всего в не один век проводившейся династией и помещиками политике. Для сохранения числа налогоплательщиков и крепостных, чтобы не исключить более слабых и ограничить более сильных, веками искусственно насаждалась передельная община,

практически не имевшая корней¹ в русской истории. Наконец в XIX в. политика правительства достигла своей цели – уравнильные переделы земли из навязанного извне правила превратились в моральную норму, более того, стали едва ли не стержнем народных представлений о справедливости². Даже в Сибири, когда население росло и начиналась нехватка земли для экстенсивного ведения хозяйства, крестьяне в основном не меняли способа хозяйствования, а начинали делить землю (Кауфман 1908; 2011). Но успех пришел слишком поздно – именно тогда, когда правительство успело переждать и стало сперва ограничивать навязанные им же переделы 12-летними интервалами, а в ходе столыпинской реформы и вовсе пыталось их ликвидировать. Обратный путь оказался очень сложен, 12-летний срок между переделами земли крестьяне приняли³, а переход к частному владению землей вызвал протест у большей части крестьянства⁴ Центральной России как морально недопустимый. В дополнение к предыдущему замечанию нельзя не добавить, что и относительно медленный темп урбанизации (по сравнению с ростом земельного голода) во многом объяснялся именно действиями правительства, смертельно боявшегося «язвы пролетариата».

¹ В XVI – первой половине XVII в. локальные переделы земли были достаточно многочисленны (Удальцова 1986: 451; Христофоров 2011; Александров 1976: 229–240), однако они, за редкими исключениями, имели целью лишь выделить минимальный надел наиболее слабым, но отнюдь не поделить все поровну.

² «Созданная на рубеже веков источниковая база (два земско-статистических обследования за 1897–1900 гг. и др.) показывает за 40 пореформенных лет мощный рост передельного движения, – главный показатель поиска общиной своего жизнеобеспечения в условиях нехватки земли. Первые переделы сопровождалась драками, люди ложились под сохи, в одном случае этот акт повлек 7 убийств (!), власти прибегали к арестам. Повторные переделы шли спокойнее, общинно-передельное владение легализуется, на смену вспышкам борьбы за землю приходит правовой уравнильно-передельный порядок» (Посадский 2000). Об «оживлении земельно-передельных функций общины, особенно в условиях повышенной миграционной активности сельского населения и размаха долгосрочного отходничества» в царствование Александра III см.: Голотик и др. 2003.

³ Утверждается, что двенадцатилетние интервалы между глобальными катаклизмами русской истории начала XX в. (1893–1905–1917–1929 гг.) объясняются именно сроками передела земли (см., например: Пивоваров 2002).

⁴ Впрочем, есть данные опросов (Чернышев 1997), свидетельствующие о преобладании негативного отношения к общине, но события лета и осени 1917 г. заставляют усомниться в их релевантности.

Но даже моральный императив навязанной правительством формы землевладения не объясняет, почему желание крестьян получить бесплатно всю землю из несбыточной мечты превратилось в лозунг дня, почему право собственности и весь традиционный порядок (для поддержки которого и вводились переделы) потеряли авторитет. Как правило, в ответ на этот вопрос говорят о том, что освобождение крестьян случилось только через век после дворянской вольности, и крестьяне перестали признавать власть помещиков (потерявших моральное право получать хлеб и денежные средства крестьян после снятия с них обязанности находиться на государственной службе), продолжая надеяться лишь на царя. Возможно, такая интерпретация хорошо описывала ситуацию 1861 г., но никак не 1917 г., когда свержение царя и даже последующий бессудный расстрел царской семьи оставили равнодушным практически все население России, и в том числе якобы монархически настроенных крестьян.

Народнический ответ, суть которого состоит в подчеркивании роли бедности и растущего недоедания (об обоснованности такого взгляда шла речь выше), в современной историографии представленный в первую очередь в работах С. А. Нефедова (2005; 2010; 2011), А. В. Островского (2013), А. В. Шубина (2014) и др., даже если он, вопреки быстрому росту народонаселения России, заключает в себе часть истины, подталкивает нас в нужном направлении, но не может объяснить характера ответа крестьянства.

Ответ на этот вопрос, как нам кажется, может быть только один – в глазах крестьянского населения России (а также рабочих и левой интеллигенции) и государственный строй, и освящающая его православная церковь потеряли авторитет. Образно говоря, из знаменитой формулы идеолога самодержавия С. С. Уварова («православие – самодержавие – народность») выпали два члена – романовское самодержавие и огосударствленное православие. Не только земля помещиков и малоизвестные крестьянам российские законы, но также власть и жизнь царя и даже христианское причастие потеряли ценность. Империя утратила легитимность («мандат Неба»).

Поэтому, на наш взгляд, искать причины делегитимации власти и веры надо в настроениях самих крестьян и рабочих. Наша версия, изложенная выше, заключается в том, что безземелье совпало с несостоявшейся, но ожидаемой Реформацией, вызванной, как и в Ев-

ропе, ростом грамотности, расширением контактов крестьян с окружающим миром, неудовлетворенностью христианско-языческим двоеверием (во многом также из-за увеличения свободного времени для абстрактных размышлений и разговоров), стремлением перейти от суеверия к религии или идеологии, от обряда к проповеди и размышлению. Очень интересные, хотя основанные преимущественно на отдельных свидетельствах и косвенных данных исследования (Посадский 2000; Поршнева 2000; Поликарпов 2008; Кирьянов 1997 и др.) в основном подтверждают эти предположения.

Тем не менее очень трудно доказать, что русские не потеряли интереса к религии и что людям действительно требовалась настоящая вера. Социологических опросов тогда не проводилось, а самые яркие единичные примеры позволяют сделать любые выводы. Тем более что внешние проявления на первый взгляд свидетельствуют скорее о массовой индифферентности к религии – нехождение к причастию, безразличная реакция на казнь царя, весьма вялый протест против закрытия храмов и разнузданной антирелигиозной агитации. Для сравнения представим себе, что в любой мусульманской стране (или даже в католической Польше) новая власть закрыла мечети (костелы) и распространяет богохульные брошюры Е. Ярославского – ну и сколько дней такая власть могла бы продержаться?

Перечислю ряд косвенных аргументов в пользу моего предположения. Во-первых, массовая вера горожан в марксистскую квазирелигию в довоенные годы и большей части всего народа в послевоенные годы указывает, что религиозные чувства в народе не угасли, только церковь не могла их удовлетворить. Но все же это слишком косвенный аргумент, ибо настроения народа меняются, и послереволюционные, и тем более послевоенные настроения не позволяют с уверенностью судить о дореволюционных. Второй аргумент – это резкий рост числа сект и массовое распространение староверия, сектанства и протестантизма в предреволюционные годы. Оценка староверов и сектантов в 25 миллионов, звучавшая в Государственной Думе, наверняка завышена, но 10–15 миллионов могут быть вполне справедливыми цифрами (Никольский 1985; Юзов 1881). Успех проповедей Иоанна Кронштадтского показывает готовность людей тех лет (вроде бы индифферентных к религии) слушать любое живое слово о Боге и спасении.

Третьим аргументом нам послужит неожиданная статистика, приведенная в книге Б. Н. Миронова: «...процент зарегистрированных внебрачных детей у православных снижался: он составил в 1859–1863 гг. 3,4 %, в 1870 г. – 3,0 %, в 1885 г. – 2,7 %, а в 1910 г. – 2,3 %. Итак, получается, что по мере модернизации, урбанизации и индустриализации происходило относительное уменьшение числа внебрачных детей среди православных женщин, в то время как у старообрядцев, католиков, протестантов и иудеев оно увеличивалось» (Миронов 2003: Т. 1, 203–204). Сам Б. Н. Миронов объясняет это распространением контрацепции и аборт. Не отрицая полностью их роли, мы все-таки не можем согласиться с тем, что католики существенно менее сурово, чем православные, осуждали внебрачные рождения, а контрацепция среди православных приобрела столь широкое распространение, что смогла переломить тенденцию. В совокупности с известным фактом увеличения строгости нравов в России в XIX в. по сравнению с XVIII в. данная статистика, на наш взгляд, свидетельствует о сохранении или даже усилении осознания греховности прелюбодеяния, несмотря на растущее отчуждение от официальной церкви.

Конечно, не следует полагать, что стремление к Реформации (как в России, так и в Германии четырем веками ранее) имело глубоко духовные, идеальные мотивы. Далекое от нужд крестьян, потакающие помещикам и состоятельным прихожанам, нередко пьющие и корыстные, состоявшие на правительственной службе чиновники духовного ведомства могли вызывать отторжение и у людей, весьма далеких от религиозных запросов. Но даже суеверные атеисты (как и многие из нас) все равно искали духовных учителей, которые помогли бы им найти свой путь в непонятном и меняющемся мире, и редко находили их среди священнослужителей государственной церкви.

На разлитое в воздухе стремление к Реформации указывает также движение с другой стороны. И руководители церкви, и общественность чувствовали необходимость если не Реформации или Возрождения с прописных букв, то по крайней мере реформирования со строчной буквы. Деятельность церковного начальства привела к восстановлению патриаршества (и то с большим опозданием, 28 октября [10 ноября] 1917 г.) и ряду других изменений в церковной жизни. В результате религиозного брожения в российском

обществе «открылся ряд “Религиозно-философских обществ”»: в Москве, в Петербурге, в Киеве. В этих обществах происходили оживленные прения на самые жгучие религиозно-философские, религиозно-культурные, религиозно-общественные темы» (Бердяев 1989). Однако общий итог религиозного брожения⁵ был очень скуден – единственным массовым движением было толстовство, не решавшее основную проблему крестьянства (нехватку земли), а кроме него выделялись лишь мертворожденные заумная софиология и сервильное обновленчество. В общем, еще не было ни Уиклифа, ни Гуса, когда были уже нужны Лютер и Кальвин.

И тем не менее, несмотря на потоки крови, огромные разрушения и утраты, новую религию нельзя признать полностью неуспешной. С новой религией российский народ в границах прежней империи и (если есть смысл о ней говорить) даже сама формула Уварова (в новой редакции – с заменой православия на марксизм-ленинизм) уцелели и обрели новую инкарнацию и новую славу. Хотя век ее был недолог, причины ее падения принадлежат иной истории. Однако мы все держим в уме именно эту историю, из-за чего с такой страстью спорим о причинах революции, произошедшей 100 лет назад.

Таким образом, эта альтернативная Реформация, полуреформация-полуотход от религии сломали сами основания трехсотлетней истории власти династии Романовых и тысячелетней истории православной церкви, не сумевшей породить собственную Реформацию. Если попытаться поставить перелом русской истории в контекст решительных переломов в истории других стран, то он, пожалуй, займет промежуточное место между сменами династий, религиозными реформациями и переходами к другим религиям, с одной стороны, и сменами цивилизаций – с другой. Ибо в 1917 г. сменились династия, социальный строй, религия, идеология, символика, персональный состав элиты. Но при этом сохранились территория, столица, тираническая (близкая к монархической) форма правления, многие российские традиции, включая общее неуважение к закону и коррупцию, основные геополитические интересы. А вскоре восстановился и агитационный исторический нарратив,

⁵ «Вряд ли можно сказать, что у нас был религиозный ренессанс. Для этого не было достаточно сильной религиозной воли, преобразующей жизнь, и не было участия в движении более широких народных слоев...» (Бердяев 1989: 684).

а вместе с ним и значительная часть прежнего пантеона национальных героев.

Первая мировая война и Русская революция

Сейчас становятся весьма популярными рассуждения, повторяющие основные нити суждений П. А. Столыпина или П. Н. Дурново (1922) – России необходимо 20–30 лет спокойной жизни для приучения народа к экономическим порядкам, создаваемым столыпинскими реформами, и получения плодов от этих порядков. Как нам представляется, примененный выше подход дает основания для весьма жестких возражений против него и ему подобных.

Во-первых, 90%-ный результат социалистов на выборах в Учредительное собрание, массовая, едва ли не всекрестьянская (во всяком случае, в центральной части России), поддержка передела земли, включая столыпинские хутора и выделы, оставляла очень малые шансы на успех реформ. Как было показано выше, идеи «черного передела» заражали и полукрестьянское население российских городов.

Для того чтобы повысить шансы осуществления начатых реформ, необходимы были дополнительные труднодостижимые условия – передача крестьянам и передел всей или хотя бы большей части помещичьей земли; приучение крестьян к достижениям тогдашней агротехники и остановка начинающегося экологического кризиса, вызванного чрезмерной распашкой земли, переносом навыков ведения традиционного трехполья с луговыми угодьями на сплошное постоянное землепользование.

Еще острее была потребность в альтернативе все более распространяющимся социалистическим («передельным») взглядам, которые не могли изменить ни усилия правительства и правящих сословий, ни черносотенная, ни буржуазная агитация, ни даже уважение к традиционной монархии.

Вполне вероятно, что даже 20 лет спокойной жизни, которые Столыпин считал условием успеха своей реформы, отнюдь не разрешили бы этих противоречий, а, напротив, усугубили бы их не меньше, чем это сделало неуспешное участие России в Первой мировой войне. Более того, в свете этих рассуждений логично предположить, что реформы Столыпина, вопреки распространенным в народе представлениям, были не путем спасения от революции,

а движением к ней. Военные поражения, на которые чаще всего указывают как на пролог к революции, лишь превратили медленный спуск в стремительный обвал, дискредитировав не только Николая II и его семью (Колоницкий 2010), но также всю правящую династию, освященную православной церковью и 300-летним правлением. Поэтому даже победоносная война и распространение националистических взглядов (в том числе либерально-националистических в духе правых кадетов и октябристов), по-видимому, были вполне разумным способом переломить ситуацию.

Разумеется, реальный опыт провальной Русско-японской войны, приведший к революции 1905 г., и, главное, фактический ход Первой мировой войны, приведший за короткий срок к полной дискредитации монархии, усилению «передельных» и антиклерикальных настроений, росту популярности крайне левых агитаторов, являются могучими аргументами против моего утверждения.

Но постараемся посмотреть на эти события с другой стороны. Прежде всего отметим общеизвестный факт патриотического и националистического подъема в стране в первые дни войны. В едином порыве соединились монархия, либеральная оппозиция, погромщики, разгромившие германское посольство, и 96 % призывников, явившихся по повесткам на призывные пункты. Сам по себе этот аргумент в реальной истории оказался очень слабым, ибо неудачный ход войны и ее тяготы (кстати, куда меньшие, чем во Франции или Германии, в основном сохранивших к 1917 г. свой боевой дух) быстро изменили настроения населения России. Неудачная война в соответствии с прогнозами Дурново превратилась в фактор делигитимации власти и формирования революционной ситуации.

Однако есть другой российский опыт, который очень редко «прикладывают» к событиям 1914–1917 гг. Речь идет об опыте Второй мировой войны, точнее, ее составной части – Великой Отечественной российско-германской войны. Согласно первой официальной версии, поражения 1941–1942 гг. объяснялись недостаточной технической подготовкой к войне, нехваткой и отсталостью советской военной техники и вылились в известную каждому жителю СССР формулу «воевали с одной винтовкой на шестерых». Однако подсчеты М. Мельтюхова, М. Солониной (Мельтюхов 2008;

Солонин 2013) и других авторов, и даже официальные российские публикации показывают, что по количеству танков и самолетов советские войска на западной границе, то есть будущем Восточном фронте Германии, в 2–5 раз превосходили немецкие (такой разницей оценок объясняется нечеткостью сведений об исправности техники и неясностью, какие вооружения стоит учитывать, а какие – нет). Поэтому в ход пошли более тонкие соображения – о скрытых недостатках даже лучших образцов советской военной техники начального периода войны (например, лучшего советского среднего танка Т-34), о совершенстве тактики блицкрига (куда делась эта замечательная тактика в 1943–1945 гг.?), о слабости и плохой организации радиосвязи, нехватке грузовиков, бронепоемных снарядов и др.

Безусловно, все эти аргументы и подходы стоили бы особого рассмотрения (см. подробнее: Цирель 2011), если бы темой нашего анализа была Вторая мировая война. Но для сопоставления ситуаций начала двух российско-германских войн XX в. важно другое – общая характеристика ситуации в первые месяцы нападения нацистской Германии на СССР. Не приводя длительной аргументации, основанной не на социологических данных (которых попросту не существует), а на множестве единичных свидетельств и тенденциозных документах НКВД, выскажу предположение (см.: Там же) об изменениях настроений населения СССР к 1941 г. По грубой оценке, к началу Великой Отечественной войны, после жуткого голода 1933 г., репрессий 1937–1938 гг., нового массового недоедания 1939–1940 гг. (Исупов 2000) и новых репрессий уже не за мнимые политические преступления, а за мелкие нарушения трудовой дисциплины или мелкие преступления (в настоящее время в большинстве стран мира переведенные в категорию административных правонарушений), количество активных приверженцев большевистской Реформации составляло приблизительно лишь треть населения. В их числе остались в основном члены Коммунистической партии и ее молодежной организации (комсомола), рабочие и инженеры в оборонной промышленности и тяжелой индустрии, жители столичных городов и представители наиболее угнетенных народов дореволюционной России (в первую очередь евреи). Грубые оценки этой доли населения можно получить двумя способами. Первая оценка – по доле городского населения перед войной –

31 % (О численности... 2015). Вторая оценка – если вычтешь из всего населения (100 %) долю верующих согласно забракованной переписи 1937 г. – 57 % (Волков 1990), то есть $100\% - 57\% = 43\%$. На первый взгляд, эти оценки заметно расходятся, но если учесть, что среди женщин количество верующих было существенно больше, а в число верующих в 1937 г. записывали даже агностиков («мне кажется, что все же какая-то высшая сила существует»), то эти оценки оказываются вполне согласованными между собой. Поэтому в самом грубом приближении можно говорить о сходстве соотношения лоялистов (сторонников монархии или большевистской власти) и скрытых диссидентов (от откровенных противников правящего режима до людей, неприязненно-безразлично относящихся к власти и не жаждущих ее защищать⁶) в предреволюционные и предвоенные годы.

Откровенно залезая в область догадок и альтернативной истории, выскажу предположение, что при существовавших в 1930-е гг. настроениях большинства и многочисленных экономических провалах без победы во Второй мировой войне, доставшейся сверхвысокой ценой (гибель или преждевременная смерть от голода и болезней на фронте и в тылу 25–27 млн человек) и объявленной заслугой Коммунистической партии, Советский Союз вряд ли протянул бы еще 50 лет. Однако после победы подавляющее большинство забыло свои предвоенные настроения, и большевистская Реформация обрела новую жизнь, включая даже идею построения Царства Божия на Земле (коммунизма) к 1980 г.

Таким образом, на наш взгляд, вступление России в Первую мировую войну (включая и ее позицию в ходе австро-сербского кризиса) было очень рискованным шагом, но едва ли не единственно возможным способом спасти существующий режим вопреки логике Реформации. Маловероятные экономические успехи после реформ Столыпина вряд ли стали бы непреодолимым препятствием для революции. Как известно, другая почти столь же яркая реформационная революция произошла в Иране в 1978–1979 гг. после длительного периода быстрого экономического роста.

⁶ По отношению к ситуации 1917–1920 гг. эта категория примерно отвечает сторонникам белых в Гражданской войне.

Заключение

Необходимо отметить, что альтернативная реформация в отличие от настоящей Реформации заменила одни священные книги (Библию) на другие (прежде всего «Манифест Коммунистической партии» и «Краткий курс истории ВКП(б)»), читаемые в основном по приказу или под давлением сверху, а не по собственной воле, что еще более отличает ее от настоящей Реформации. Кроме того, альтернативная Реформация во многом заменила заповеди и ценности; стремление к справедливости, понимаемое сперва как всеобщее равенство, а потом как следование указаниям начальства, уничтожило основные заповеди христианства, прежде всего – «не убий, не укради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». В стихотворении известного советского поэта Э. Багрицкого «Губеркулез» умирающему образ Ф. Э. Дзержинского (первого главы советской тайной полиции, одной из ключевых фигур «советского иконостаса») произносит: «Но если он [век, время] скажет: “Солги”, – солги. Но если он скажет: “Убей”, – убей». Хотя такой откровенный аморализм официально не пропагандировался, но явно присутствовал в советской идеологии (во всяком случае – ленинских и сталинских времен) и способствовал официальному и неофициальному одобрению казней.

Нынешнее религиозное возрождение, о котором столько пишут в России, формально обратило в православие 70–80 % населения нашей страны, но фактически лишь сблизило ситуацию в России с самыми атеистическими странами Европы. Ибо минимальным критериям, отличающим практикующих христиан (знание основных молитв, чтение Библии, посещение причастия хотя бы раз в месяц), удовлетворяет, по разным оценкам, от 2–3 до 5 % населения России.

Интересен вопрос, как Церковь сегодня, по прошествии столетия, оценивает свою роль в произошедшем и свою ответственность за неспособность ответить на духовные искания паствы и клира. Определенный ответ на этот вопрос дает исследование Аналитического центра s-t-o-l.com (Церковь... 2017), проведенного дискурс-анализ высказываний церковных спикеров (всего 148 текстов в период с ноября 2016 г. по май 2017 г.). С одной стороны, среди наиболее важных проблем страны, приведших к событиям 1917 г., 31 % называет духовный кризис (оскудение/формализация православной веры/секуляризация общества, неверие в первородный

грех); 26 % – идеологический раскол (идеализация западной демократии, умственный блуд с идолами революции) и 13 % – глубокий социальный, политический и экономический кризис, а также социальное неравенство. Это говорит в целом о достаточно реалистическом понимании ситуации 1917 г. С другой стороны, согласно тому же исследованию, виновной, по мнению церковных спикеров, чаще всего (32 %) признается интеллигенция (образованное общество, либералы-западники, оппозиция), на втором месте находится наиболее реалистический, хотя и самый расплывчатый из популярных ответов (16 %) – «мы все (все общество и духовенство, наши отцы и деды, весь русский народ)», и 10 % взваливает вину на внешние силы (масонские спецслужбы, мировые элиты, Германия, Англия, Америка, Европа). То есть, несмотря на достаточно реалистическое понимание предреволюционных проблем страны, представление о собственной вине в произошедшем мало распространено и растворяется в общей вине всего общества и всего народа. Даже на прошедшем в конце июля 2017 г. собрании наиболее либеральных православных деятелей (Рудакова 2017; Мельников 2017) лишь очень немногие говорили о вине самой церкви, большей популярностью пользовались идеи о вине интеллигенции, иностранных держав, инородцев и т. д.

С другой стороны, глядя на ситуацию с позиций неверующего или неправославного человека, нет оснований считать, что гипотетическая православная Реформация непременно была бы благом для страны или даже меньшим бедствием, чем реальная революция 1917 г. Строя различные гипотезы о возможном содержании православной Реформации, нетрудно заметить, что наиболее массовыми силами были либо черносотенные, по существу протофашистские, либо толстовские, ведшие хозяйство страны к архаике, либо сектантские (раскольничьи, протестантские и квазипротестантские), ведшие к разделению народа, а гипотетическая борьба между ними всеми могла бы в конечном счете обернуться не менее страшной гражданской войной, чем та, что произошла в реальной истории.

Библиография

- Александров В. А. 1976. *Сельская община в России (XVII – начало XIX в.)*. М.: Наука.
- Ардов М. 2006. *Узелки на память; Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни*. М.: Собрание.

- Бердяев Н. А. 1989.** Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути»). В: Бердяев Н. А., *Собр. соч.* Т. 3. *Типы религиозной мысли в России*. Париж: YMCA-Press.
- Волков А. Г. 1990.** Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда. *Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Серия «История статистики»*. Вып. 3–5 (ч. II) (с. 6–63). М.: Информцентр госкомстата СССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund08.html (дата доступа: 01.10.2017).
- Всероссийское** учредительное собрание. Энциклопедия. 2014. М.: РОС-СПЭН.
- Голотик С. И., Карпенко С. В., Красовицкая Т. Ю., Минаев В. В. 2003.** Россия на рубеже XIX–XX вв.: власть, экономика и общество. *Новый исторический вестник* 1(9): 221–271.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. (отв. ред.). 2010.** О причинах Русской революции. М.: ЛКИ.
- Давыдов М. А. 2016.** *Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте – Столыпина*. СПб.: Алетейя.
- Дурново П. Н. 1922.** Записка Петра Николаевича Дурново Императору Николаю II. (Меморандум Дурново). *Красная новь* 6: 178–199.
- Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р. 2008.** *Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма*. М.: Новый хронограф.
- Исупов В. А. 2000.** *Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. Историко-демографические очерки*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Кауфман А. А.**
- 1908.** *Русская община в процессе ее зарождения и роста*. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина.
- 2011.** *Крестьянская община в Сибири: По местным исследованиям 1886–1892 гг.* М.: URSS.
- Кирьянов Ю. И. 1997.** Менталитет рабочих России на рубеже XIX – начале XX в. В: Потолов С. И. (отв. ред.), *Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917*: сб. материалов (с. 55–76). СПб.: Русско-балтийский информационный центр «Блиц».
- Колоницкий Б. 2010.** *«Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны*. М.: Новое литературное обозрение.
- Леонтьев К. 1996.** *Восток, Россия и Славянство*. М.: Республика.
- Мельников А. 2017.** «Еврейский холокост был куда более скромн, чем русский холокост». *НГ-Религии* 2 августа. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2017-08-02/11_425_holokost.html (дата обращения: 01.10.2017).

- Мельтюхов М. 2008.** *Трагедия 1941-го года. Причины катастрофы.* М.: Яуза; Эксмо.
- Милюков П. Н. 1994.** *Очерки по истории русской культуры:* в 3 т. Т. 2. *Вера. Творчество. Образование.* Ч. 1. *Церковь. Религия. Литература.* М.: Прогресс-Культура.
- Мионов Б. Н. 2003.** *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства:* в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX в.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Нефедов С. А. 2010.** *История России. Факторный анализ:* в 2 т. Т. I. М.: Территория будущего.
- Нефедов С. А. 2011.** *История России. Факторный анализ:* в 2 т. Т. II. М.: Территория будущего.
- Нефедов С. А. 2014.** Роковая ошибка. По поводу использования Б. Н. Мионовым антропометрических данных новобранцев. *Новейшая история России* 3: 110–115.
- Никольский Н. М. 1985.** *История русской церкви.* М.: Политиздат.
- Островский А. В. 2013.** *Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны?* СПб.: Полторак.
- О численности населения СССР.** Секретная записка в Совет Министров СССР. 2015. *Демоскоп Weekly* 655–656 (21.09.–04.10). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/archiv06.php> (дата доступа: 12.10.2017).
- Пивоваров Ю. С. 2002.** Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин). *Pro et Contra* 7(3): 23–50.
- Поликарпов В. В. 2008.** *От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века.* М.: Индрик.
- Поршнева О. С. 2000.** *Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг.:* дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
- Посадский А. В. 2000.** Диалектика общинного и индивидуального на пределе экстенсивного развития (стереотипы сознания и поведения саратовского крестьянства, 1861–1920 гг.). *Социологические исследования* 4: 83–92.
- Рагин А. Г. 1956.** *Население России за 100 лет (1811–1913).* М.: Госстатиздат.

- Рудакова С. 2017.** Революция как личный опыт? *Аналитический центр s-t-o-l.com* 2 августа. URL: <https://s-t-o-l.com/gosudarstvo-i-chelovek/revolyutsiya-kak-lichnyj-opyt/> (дата доступа: 12.10.2017).
- Солонин М. С. 2013.** *Июнь 41-го. Окончательный диагноз.* М.: Яуза-Эксмо.
- Удальцова З. В. (ред.). 1986.** *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма.* М.: Наука.
- Христофоров И. А. 2011.** *Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.).* М.: Собрание.
- Церковь о революции.** Исследование медиа-дискурса. **2017.** *Аналитический центр s-t-o-l.com.* URL: https://s-t-o-l.com/wp-content/uploads/2017/08/compressed_1253991111.pdf (дата доступа: 12.10.2017).
- Цирель С. В. 2011.** Великая Отечественная война спасла Советский Союз? *Знамя* 5: 175–184.
- Цымбурский В. Л. 2002.** «Городская революция» и будущее идеологий в России. Цивилизационный смысл большевизма. *Русский журнал* 4 июля. URL: <http://www.russ.ru/politics/20020704-tzim.html> (дата доступа: 12.10.2017).
- Чернышев И. Б. 1997.** *Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет: Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. К вопросу об общине.* М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Шавельский Г. И. 1954.** *Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота:* в 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Шубин А. В. 2014.** *Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 г.* М.: Родина Медиа.
- Юзов И. И. 1881.** *Русские диссиденты – староверы и духовные христиане.* СПб.: Тип. А. М. Котомина.
- Montanari M. 1993.** *La fame e l'abbondanza. Storia dell'alimentazione in Europa.* Laterza.
- Mironov B. N. 2012.** *The Standard of Living and Revolutions in Russia, 1700–1917.* London; New York: Routledge.
- Mironov B. N., Eklof B. 2000.** *A Social History of Imperial Russia, 1700–1917.* Boulder, CO: Westview Press.
- Rohrmoser G. 1989.** *Religion und Politik in der Krise der Moderne.* Styria.
- Rohrmoser G. 1994.** *The Emergency: The Crisis of our Liberal Republic.* Ullstein.